

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕХНИКИ CODE-SWITCHING В ПОЭЗИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ БИЛИНГВОВ¹

В статье рассматривается code-switching (переключение языков) в поэтических текстах естественных и культурных билингов. Техника code-switching анализируется в связи с проблемой адресации. Письмо билинга – это способ предъявления социуму новых когнитивных рамок, с которыми социум обязан считаться. Показано, как смешение языков (code-switching) часто используется поэтами-билингвами в практике хеджирования, то есть де-интенсификации табуированной (в том числе сакральной) информации или подачи её в размытом, неопределённом виде, в виде “sort of” («вроде»). В поэзии рутинные практики билингов превращаются в значимый художественный приём. Ключевые слова: билингвизм, адресация, хеджирование, code-switching, современная поэзия.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-27-356-363

Необходимо различать разные постановки вопроса, которые имеются в виду под билингвизмом применительно к поэтическому дискурсу. Это билингвизм поэта, подразумевающий, что поэт владеет двумя или более языками, но производит тексты на одном из них, и собственно поэтический билингвизм², то есть производство поэтических текстов одним автором на двух или более языках, и, наконец, – к проблематике поэтического билингвизма примыкает тема межъязыкового взаимодействия у поэтов-монолингвов (или культурный билингвизм).

Связь code-switching и адресации (в её когнитивном и прагматическом аспектах) ярче всего раскрывается на примере поэтического испано-английского билингвизма мексиканцев в двух его вариантах: англо-испанского билингвизма мексиканских эмигрантов в США (естественный билингвизм) и испано-английского билингвизма современных поэтов Мексики (культурный билингвизм).

Несмотря на явное отличие культурного билингвизма от естественного, преимущественное использование техники code-switching мо-

356

жет свидетельствовать о том, что в поэзии культурных билингов проблема адресации играет определяющую роль в коммуникативном аспекте. Частично переходя на чужой язык или используя технику “codeswitching”, поэт следует стратегии приближения к целевой аудитории, в случае мексиканской поэзии внутри Мексики – это расчёт на иноязычную (англоязычную) аудиторию в США, что, как правило, подразумевает упрощение семантической составляющей текста и акцентирование его перформативной составляющей.

Для малых национальных поэзий (например, в скандинавских странах), стремящихся быть известными не только своей, но и англоязычной аудитории за пределами своих стран, характерно создание асемантических межъязыковых текстов по типу зауми или глоссолалии и их мастерское исполнение поэтами. В испаноязычном ареале подобные тексты активно развиваются в Мексике как в культуре, которая находится в сильном взаимодействии с американской как своеобразный вариант перехода на английский в рамках испанского. Этот прием может стать текстообразующим,

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

2 В англоязычной терминологии это можно соотнести с терминологической парой *bilinguality* и *bilingualism*.

то есть служить своеобразной визитной карточкой поэтики и определять движение в сторону саундпоэзии, например, в поэзии Кристины Ривера Гарса (1964), многие композиции которой состоят почти исключительно из фонически структурированных географических названий: Tijuana – San Ysidro / Tecate – / La Rumorosa – / Mexicali – Calexico / – Winterheaven / – Somerton / – Gadsen / Ciudad Morelos – / Merida – / Cuervos – Crane / Tabasco. Испанский язык в этом случае создает образ звучания подобный английскому; поэзия этого типа предназначена именно для чтения вслух, для перформансов в большой аудитории. Квалификации подобных текстов как варианта саунд-поэзии отвечает и авторский комментарий о характере чтения, предполагающий шепот, вторжение нескольких голосов и различного рода шумов, что призвано снизить значимость собственно вербальной составляющей текста. Таким образом, прослеживается явная связь феномена многоязычия и экспериментальной поэзии, что объясняется попыткой выйти за рамки одного языка. Отсюда получают развитие разные формы голосовой, визуальной, перформативной поэзии, хэппенингов и других форм, минимизирующих значимость собственно вербального письменного текста в конвенциональной презентации.

То, что обычно трактуется как *spanglish* и внешне похоже на него, оказывается коммуникативно мотивированным, например эффективным для создания виртуального пространства и обращения к разнооб-

357

разной аудитории. В композициях Минервы Рейноса (1979) фигурируют одновременно и англоязычный змий (*is a serpens*), и традиционный для большого испаноязычного ареала ужастик *chupacabras*, убивающий животных, который в мексиканском варианте предстает как рептилиеобразное существо с зеленой кожей: *is communication binaria / el acto de reciprocidad gnica / lo lingü stico nica n en el contracto / paratacto ctico... // una mirada llevar hondo / hoyo / pasto: / is a serpens / y ver que el tico / stico chupacabras / una zorra / la hiena hambrienta / el mapache adusto / el n rey / the lobo lobito (Minerva Reynosa)*. Несмотря на то, что подобная поэзия оперирует готовыми герметическими значениями, она достигает цели создания некоторого воображаемого пространства, в котором оказывается возможным то, что в стихотворении называется бинарной коммуникацией (*is communication binaria*) – обратим внимание на явно английское написание *communication* в сочетании с испанским вариантом *binaria*, при том, что и то, и другое представляют собой интернациональные лексемы.

Англо-испанский билингвизм в литературе и в поэзии развивался в 60-е годы в особом социальном контексте, связанном с борьбой за права иммигрантов, так называемым движением Чикано [Simon Rodriguez 2015, Rosales 1997]. Липски [Lipski 2008] отмечает, что рост количества случаев переключения между испанским и английским в драматургии, прозе и поэзии возрастает именно в 1970-е гг. (Aluristo, Tato Laviera, Roberto Fernández, Rolando Hinojoso, Rodolfo Gonzalez), именно к началу 70-х билингвизм стал осознаваться как «репрезентация индивидуального и коллективного опыта мексиканцев, переехавших в США» [Toribio 2015: 540].

Чикано разрабатывают свой поэтический язык, активно используя средства английского и испанского языков и превращая переключение между ними (*code-switching*) в художественный приём. Важно отметить, что английский язык при этом нередко существенно отклоняется от литературной нормы, а деформация английского языка в авторской стратегии служит одной из форм социального сопротивления. Создание собственной модели языка и билингвальной поэтики становится средством самоутверждения Чикано как особой социальной группы (см. также: [Ch'ien 2004, Vaca 2009, Ashcroft 2009, Martinez 2009]).

Аналогичную стратегию можно проследить у уже упоминавшегося австрало-китайского поэта Оуян Юя, который в билингвальных англокитайских текстах использует нарочито деформированный английский синтаксис (например, неконвенциональное сочетание субъекта и преди-

358

ката) как средство социального протеста иммигранта и предъявления особой когнитивной рамки осмысления мира билингвом.

Необходимо отметить, что отдельные случаи использования особого формата многоязычного текста не как стилистического приёма, а как способа предъявления идентичности билингва (трилингва) встречаются уже в Средневековье, например трехязычное стихотворение Иеѓуды Альхаризи (1170-1235), первая треть каждой строки которо- го – на иврите, вторая – на арабском, третья – на арамейском языках (см.: [Парижский 2015: 222]).

Поэт, творящий в ситуации естественного билингвизма, осознает билингвизм как личную (жизненную, экзистенциальную) проблему (опыт). Поэт выстраивает некие новые когнитивные рамки, которые предполагают установление отношений между языками заново, т.е. каждый раз это личностный акт, каждый раз это новый когнитивный акт, а его письмо – это способ предъявления социуму новых когнитивных рамок, с которыми социум обязан считаться. Таким образом осознаётся возможность поэта влиять не только на литературный процесс, но и на социальную ситуацию. В этом смысле поэзия становится инструментом для предъявления личного социального опыта. Но с другой стороны, именно благодаря ориентации на адресата и осознанию задачи заранее (до начала творческого процесса) двуязычная поэзия билингвов в некоторой степени сближается с прикладной поэзией, то есть поэзией, рассчитанной на определенную целевую аудиторию [Поэзия. Учебник 2016]. Основная задача прикладной поэзии – быть понятной своему адресату и воздействовать на него. Наличие строго определенного адресата отличает прикладную поэзию от собственно поэзии, которая обращена к любому человеку, способному ее воспринимать.

Билингвизм не есть что-то экстраординарное для билингвов (непоэтов). Это по большей части само собой разумеющийся факт, вернее, обстоятельство их жизни, как еда, сон и т. д., то есть то, что может не рефлексироваться билингвом, если не затрагивает его социальный статус. Однако то же самое в поэтическом билингвизме невозможно из-за автореференциальности и автокоммуникативности поэтического текста как его основополагающих свойств. Поэтому естественный билингвизм неизбежно становится объектом рефлексии поэта-билингва независимо от того, получает ли эта рефлексия непосредственное вербальное выражение.

359

Поэтический билингвизм демонстрирует превращение в художественный приём не только особенности мышления билингвов (таких как абстрагирование), но и их рутинные жизненные и речевые практики.

По отношению к рутинным речевым практикам билингвов, находящим отражение в их поэтике на родном и усвоенном языке, можно использовать оппозиции «чувственность, эмоциональность vs. ментальность» и «телесность vs. избегание телесности». Возможно, в случае великого португальского поэта, португало-английского билингва Фернандо Пессоа (см.: [Азарова 2015]) можно применить простую оппозицию «думать на языке» и «чувствовать на языке», поэтому английский язык в метаязыковой рефлексии поэта мыслится как язык универсальный, всеобщий. В молодости его ментальная жизнь проходит под знаком английского языка, но его мир чувств соотносится, скорее, с эмоционально-телесным пространством волшебных португальских сказок и народных песенок. Сам Ф. Пессоа говорил, что он использует английский как научный и общий язык, а португальский как литературный и частный [Pizatto 2013: 111]. Но, несмотря на то, что английский предстает как универсальный, он, будучи ментально «своим», парадоксальным образом не перестает быть телесно чужим. Билингвизм Пессоа позволяет ему установить различие между понятиями «думать на языке» и «ощущать на языке»; таким образом, оказывается, что ментализация, формализация на втором языке для билингва предпочтительней, в то время как «сенсационизм» (*sensacionismo* от порт. *sensación* – ощущение) Пессоа более достижим на первом, португальском, материнском языке.

Так как для поэзии на первом языке важна не только связь с эмоциональной стороной, но и с телесностью, в этом смысле когнитивно поэзия на первом языке менее свободна, чем поэзия на

усвоенном языке билингва, которая, как правило, избегает телесности. Поэзия на усвоенном языке, будучи более свободной от телесности, может быть менее свободна в формальном отношении, но более свободна в когнитивном. Это легко иллюстрируется Геннадия Айги, поэта, родным языком которого был чувашский, а основным поэтическим русский. Его русскоязычная поэзия избегает проявлений непосредственной телесности и, напротив, свободно оперирует в ментальном поле, демонстрируя более высокую, чем у поэтов-монолингвов, потенцию абстрагирования (см.: [Азарова 2016]).

Одной из самых характерных рутинных практик билингва является code-switching, часто подразумевающее хеджирование. Смещение

360

языков (code-switching) часто используется билингвами в практике хеджирования, то есть деинтенсификации табуированной (в том числе сакральной) информации или подачи её в размытом, неопределённом виде, в виде “sort of” («вроде»)³.

Хеджирование – обнаружение себя в той области, о которой хочется молчать, в том числе сакральной. Например, существует мнение, что английский был языком эзотерического выхода для Пессоа [Pasi 2001: 695].

В поэтической практике не имеет большого значения, какой язык используется в практике хеджирования. Если билингв пишет на титульном языке (на втором, усвоенном), то он может прибегать как к родному, так и к третьему языку для хеджирования, а если он пишет на родном языке, то хеджироваться информация может при помощи перехода на второй (усвоенный) язык.

Иностранный язык, который всегда говорит и не говорит, понятен и не понятен одновременно, может быть эффективным способом вербализации молчания. В стихотворении Г. Айги «Заря: в перерывах сна» это небытие, точнее не-есть, ничто голоса дано по-французски *néant de voix*: где есмь как золотую пыль – // как обрамленье красное приснившееся книги: «*néant de voix*» – // от сердца высоко во сне над ним висящее – // о так сжигают есмь.

Название стихотворения «Запись: аporphatic» Г. Айги можно воспринимать как своеобразную формулу перехода на другой язык: апофатика как отрицательное богословие в поэтике билингва предопределяет переход к иноязычной инкрустации. Стихотворение Айги «Запись: аporphatic» написано в 1976 году, и посвящение К.Б. указывает на убийство известного переводчика, друга поэта Константина Богатырева. Стратегия кодирования социально значимой (опасной) информации также обуславливает маркирование посвящения только инициалами без расшифровки. Любопытно, что слово *aporphatic*, записанное латиницей, в сознании читателя прямо не ассоциируется ни с одним иностранным языком: хотя формально *aporphatic* в такой орфографии, как

361

у Айги, это английское слово, но совершенно неочевидно, что поэт здесь имел в виду английский язык. Скорее всего, это некое слово, которое будучи понятным, относится ко всем языкам и ни к одному конкретно, а с другой стороны, написание латиницей позволяет достичь необходимой степени остранения. Надъязыковая латиница слова “*aporphatic*” здесь выступает как способ кодирования запретной в разных смыслах – как социальной, так и сакральной тематики. В данном случае поэт превращает в значимый художественный приём хеджирование как рутинную практику билингвов.

---

3 LM/S serves an important function in hedging (e.g. taboo suppression, deintensification, or a vague “sort of” expression). Although the formal and functional range of hedging is quite wide and both languages of a bilingual can contribute, the language which is allocated as the “they” code is often used for this purpose, particularly when hedging performs the function of taboo suppression [Ritchie, Bhatia 2006: 346].

Литература

- Азарова Н.М. Поэтический билингвизм Фернандо Пессоа // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 254-267.
- Азарова Н.М. Многоязычие Айги и языки-посредники // Russian literature. Volumes 79-80 (1 January–15 February 2016). С. 29-44.
- Парижский С.Г. Трехязычное стихотворение Йехуды ал-Харизи (XIII в.) // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 219-235.
- Поэзия. Учебник / Н.М. Азарова, К.М. Корчагин, Д.В. Кузьмин, В.А. Плунгян и др. М.: ОГИ, 2016.
- Ashcroft B. Caliban's Voice: The Transformation of English in PostColonial Literatures. London: Routledge, 2009.
- Vaca D. The Chicano/a Codex: Writing against Historical and Pedagogical Colonization // College English. 71 (2009). P. 564-83.
- Ch'ien Evelyn Nien-Ming. Weird English. Cambridge, MA: Harvard UP, 2004.
- Lipski J.M. Varieties of Spanish in the United States. Georgetown, 2008.
- Martinez Aja Y. „The American Way“: Resisting the Empire of Force and Color-Blind Racism // College English. 71 (2009). P. 584-95.
- Pasi M. The Influence of Aleister Crowley on Fernando Pessoa's esoteric writings // Ésotérisme, gnosés & imaginaire symbolique: mélanges offerts à Antoine Faivre. Leuven, 2001.
- Pizarro J. Alias Pessoa. Valencia, 2013.
- Ritchie William C., Bhatia Tej K. Social and Psychological Factors in Language Mixing. The Handbook of Bilingualism. Edited by Tej K. Bhatia and William C. Ritchie. Cornwall, 2006.
- 362
- Rosales F.A. Chicano! The history of the Mexican American civil rights movement. Houston, 1997.
- Simon Rodriguez M. Rethinking Chicano Movement. New York: Oxon, 2015.
- Toribio J. A. Code-switching among US Latinos // Handbook of Hispanic sociolinguistics. Ed. M. Diaz-Campos. Backwell publishing, 2015.

N.M. Azarova (Moscow, Russia)

COGNITIVE BASE OF CODE-SWITCHING TECHNIQUE IN TEXTS OF CULTURAL AND NATURAL BILINGUAL POETS

This article studies code-switching in poetry by cultural and natural bilingual poets. The technique of code-switching is a special tool for constructing appellation. The writing of bilingual poet is a way to introduce and present to the society new cognitive frames that the society should take into account. Bilingual poets often use code-switching as a technique of hedging, i.e. in order to lower the intensity of taboo (including sacred) information or representing this information in a vague, indefinite way, so to say “sort of” information. This allows us to conclude that standard practices of bilingual speakers can be transformed into a meaningful aesthetical tool.

Key words: bilingualism, addressing, hedging, code-switching, contemporary poetry.